

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ
СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

Э Н Ц И К Л О П Е Д И Я

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.В. Шелохаев

доктор исторических наук, профессор,
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный редактор)

А.В. Репников

доктор исторических наук, профессор
(ответственный секретарь)

А.А. Данилов

доктор исторических наук, профессор

В.В. Журавлев

доктор исторических наук, профессор,
лауреат Государственной премии РФ

А.Ю. Минаков

кандидат исторических наук, доцент

А.К. Сорокин

кандидат исторических наук,
лауреат Государственной премии РФ

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Редакционная коллегия

В.В. Шелохаев

доктор исторических наук, профессор,
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный редактор)

А.В. Репников

доктор исторических наук, профессор
(ответственный секретарь)

А.А. Иванов

кандидат исторических наук, доцент

А.Ю. Минаков

кандидат исторических наук, доцент

мек Н.М. Языкову от 17.7.1833 К. категорически отвергал «проклятую чаадаевщину», к-рая «ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний». Примечателен термин «чаадаевщина», с помощью к-рого К. указывал на антинац. позицию, «к-рая только что доведена *ad absurdum* в сумасшедшей голове Ч.» (т.е., у Николая I был предшественник в оценке состояния ума автора «Философич. писем»). Выразив отращивание к «чаадаевщине», К. писал далее о том, что «отличит. существ. свойство варварства — беспамятность» и что «чувства собств. достоинства нет без нац. гордости, а нац. гордости нет без нац. памяти». Еще раньше, в дневнике, к-рый К. вел в Германии, он подчеркивал значение памяти для отд. человек. личности: «Связь умств. способностей человека есть память. На памяти основана его личность». Память как основа личного и нац. достоинства, даже просто — душевного здоровья, являлась для К. конкретным выражением «умств. цельности», о к-рой впоследствии напряженно размышлял его старший брат.

Тема взаимосвязи ясной ист. памяти и обоснованной гордости за «высокие дела» предков явилась гл. темой статьи К. «О древней рус. истории. Письмо к М.П. Погодину» (Москвитин. 1845. № 3). Издатель «Москвитин» М.П. Погодин выказал на страницах своего журнала идею, к-рая позже увлекла нек-рых видных славянофилов, — о готовности рус. народа принять «чужих господ без всякого сопротивления», о «равнодушии» того же народа к вопросам общегос. значения и т.п. (ср. с рассуждениями К.С. Аксакова о «безгосударственности» рус. народа в «Записке о внутр. состоянии России»). К. решительно возражал Погодину, отмечая такие кульминац. моменты рус. истории, как 1612 и 1812, когда рус. народ проявил твердую волю к нац.-гос. самостоятельности; отмечал, что «призвание варягов» (как и аналогичные «призвания» у др. слав. народов) не внесло принципиальных изменений в «гос. быт славян». Для рус. народа и до «призвания варягов» князя (или «старейшины») были «знаменем его единства» — не менее, но и не более того, подчеркивал К.

В свете ключевых для К. идей нац. памяти и нац. достоинства становятся ясными причины его мировоззренч. трагедии. Глубоко проникнув в дух рус. нар. песен, он пришел к выводу, что «вся их красота, все, что составляет существ. достоинство их характера, — уже старина и что эта старина уже не возрождается в новых, себе подобных отраслях, как было в продолжение столетий веков» (из предисловия к изданию 1847). Рус. песни, на к-рой отразилось «влияние гор. моды», К. не принял, увидев в ней только «ужимистый характер сословия лакейского»; тем самым он не заметил или не захотел заметить рождение рус. песни нового типа, рус. романса. «Своенародности подвижник просвещенный», как отозвался о К. его друг и единомышленник Н.М. Языков, К. слишком строго (и потому узко) понимал

драгоценную для него «своенародность», нац. самобытность. Эту узость, от к-рой не был вполне свободен и его старший брат, предстояло преодолеть А.А. Григорьеву, Н.Н. Страхову и др.

Соч.: ППС: В 4 т. Калуга, 2006 (объединяет работы И.В. и П.В. Киреевских); Письма П.В. Киреевского Н.М. Языкову. М.; Л., 1935; Собр. нар. песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина: В 2 т. Л., Наука. 1983–86; Собр. нар. песен П.В. Киреевского. Тула, 1986.

Лит.: Маркович А. Восп. о П.В. Киреевском // Рус. беседа. 1857. № 6; Соймовонов А.Д. П.В. Киреевский и его собрание нар. песен. Л., 1971; Гершензон М.О. П.В. Киреевский // Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. См. также Лит. при ст. И.В. Киреевский.

Н.П. Ильин.

КОВАЛЕВСКИЙ Павел Иванович (1849 или 1850, м. Петропавловка Павлоградского у. Екатеринославской губ. — 17.10.1931, г. Льеж, Бельгия), психиатр, публицист, полит. деятель. Сын священника. На шестой неделе жизни лишился отца, рос вместе с братом, двумя сестрами и матерью в крайне стесненных материальных условиях. В 9 лет определен в духовное уч-ще. В старших классах зарабатывал репетиторством. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию (1869) первым учеником. Увлечшись естествознанием, поступил на мед. ф-т Харьковского ун-та. Студентом работал в лаборатории общей патологии под рук. проф. И.Н. Оболенского, тогда же заинтересовался душевными и нервными болезнями. В 1874 окончил ун-т с отличием, получив звание лекаря. Оставлен на ф-те для подготовки докторской дисс. по психиатрии, к-рую защитил в 1877 («Об изменении чувствительности кожи у меланхоликов»). Науч. исследования совмещал с работой сверхштатным ординатором отделения душевнобольных Харьковской земской больницы (Сабуровой дачи). С 1877 — приват-доцент, с 1878 — доцент, с 1884 — экстраординарный, с 1888 —

П.И. Ковалевский.

ординарный проф. кафедры психиатрии Харьковского ун-та. Инициатор созыва 1-го съезда рус. психиатров (1887). В 1892–97 ректор Варшавского ун-та (оставил службу по болезни). С 1899 читал курс суд. психопатологии на юрид. ф-те Петерб. ун-та и работал старшим врачом психиатрич. отделения Николаевского воен. госпиталя. Уделял большое внимание вопросам реформирования суд. системы России, профилактике и предупреждению преступлений. В 1903–06 — зав. кафедрой психиатрии Казанского ун-та. Ред.-изд. первого русскоязычного психиатрич. журнала — «Архив психиатрии, нейрологии и суд. психопатологии» (Харьков), посвященного вопросам «ненормальностей в нервной жизни человека, болезней, преступлений, условий их развития

и средств к их искоренению» (цит. по: Могильнер М. Homo imperii: История физич. антропологии в России (кон. XIX — нач. XX вв.). М., 2008. С. 367). Издавал «Журнал медицины и гигиены», «Рус. мед. вестник», «Вестник идиотии и эпилепсии», «Вестник душевных болезней»; в течение 15 лет являлся соред. выходившего в Германии психиатрич. журнала.

Автор св. 300 работ по разл. вопросам психиатрии (в т.ч. судебной), нервным болезням, невропатологии и психологии ист. лиц: Петра I, Ивана IV Грозного и др., занимался также ист. публицистикой, перевел на рус. яз. труды мн. зарубежных психиатров. Состоял чл. ряда мед. и благотворит. об-в.

Активный участник монархич. движения. Чл. *Русско-го собрания*, участвовал в деятельности *Русского окраинного общества*, *Всероссийского национального клуба* (выступал с докладами, чл. редколлегии его «Известий», возглавлял издат. комиссию клуба), один из идеологов *Всероссийского национального союза* (ВНС). По мнению К., ВНС был призван «в массах темного народа подогреть нац. чувство» и «уничтожить развратный индифферентизм и денационализм» образованных классов. К. полагал, что «нац. партия тогда только будет национальная, когда она будет народною. Она будет заключать в себе... интеллигенцию и народ — основу нации, — а также и др. национальности... за этой партией пойдут не только православные, но и католики, магометане, — и русские, и поляки, и армяне, и татары, — только не жиды!» (цит. по: Коцюбинский Д.А. Рус. национализм в нач. XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всерос. нац. союза. М., 2001. С. 54, 64). К. подчеркивал, что рус. народ имеет право гордиться собой «внутри своего гос-ва», поскольку можно сказать «всем нашим подданным», что мы победили их, но не уничтожили, т.к. сохранили их религию, язык, нравы и обычаи (Там же. С. 120).

К. полагал, что «единая самодержавная власть в России вытекает прямо из характера нац. свойств рус. народа. Из органич. неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению... Самодержавие в России является органич. нац. потребностью, без к-рой Россия существовать не может до поры до времени» (Там же. С. 150, 165). По убеждению К., ликвидация самодержавия неизбежно приведет к гибели России, т.к. поставит страну в антинац. условия бытия, противные ее существу.

К. отмечал, что «православие явилось религией, соответствующей нац. духовным особенностям россиян» (Ковалевский П.И. Символ веры наших потешных. Ростов н/Д, 1911. С. 7–8), полагал, что «Самодержавие, Православие и единодержавие нераздельны, поддерживают друг друга и взаимно дополняют. Гос. самодержавие в том виде, как оно утвердилось в России, возможно только у правосл. народов и немислимо во всей полноте у католиков, ибо у последних оно сталкивается с церк. самодержавием Римских пап, верховная власть к-рых, по религ. верованиям католиков, выше всех земных властей... истинное самодержавие в таких случаях немислимо» (Ковалевский П.И. Рус. национализм и нац. воспитание в России. СПб., 2006. С. 110).

Обращаясь к религ. догматам в очерке «Мироздание», К. обосновал процесс возникновения и развития материального и биологического мира: «Во всем развитии Бытия мы имеем в виду три элемента: вещество или материю, силу или душу ее и законы, по к-рым вселенная живет. Но где же Бог и нужен ли Он? Как кому угодно.

Бог может быть и может не быть»; Бог может быть, если это необходимо для «нуждающегося и слабого человека» (цит. по: Стукалов П.Б. П.И. Ковалевский и М.О. Меньшиков как идеологи Всерос. нац. союза. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. С. 326). В брошюре «Библия и нравственность» (1906) К. выступал с резкой критикой Ветхого Завета, считая его священным только для евреев. Вывод К. заключался в том, что Иегова и Христос — два разных Бога, а Свящ. история Ветхого Завета не есть Свящ. история для христиан: «Народ, религия к-рого освящает и поощряет воровство и мошенничество, не имеет права рассчитывать на равноправия с народами, религия коих считает эти деяния преступлениями» (Ковалевский П.И. Библия и нравственность. Пг., 1916. С. 62). «Я всегда думал, — писал К., — что в ней [Свящ. истории Ветхого Завета. — АИ, АР] нет ничего священного — ее примеры не достойны подражания, ее читать можно только для того, чтобы так не делать, как там пишется, а чтение Библии является безнравств. и развращающим» (Там же. С. 9). Цензурный к-т признал книжку К. преступной, а ее автора за «богохуление и оскорбление святыни» отдал под суд, к-рый, однако, оправдал К., не найдя в его соч. святотатства (в дальнейшем брошюра выдержала 14 изданий). Решение суда освободило брошюру из-под ареста, а автора не подвергать взысканию К. объяснил беспристрастием и честностью судей. В ответ моск. монархич. газета «Колокол» выпустила брошюру Е. Гептнер, содержавшую критику религ. воззрений К. Опираясь на толкование Ветхого Завета отцами церкви, Гептнер опровергла доводы К., обвинила его в «самоуверенности и гордом самообольщении» и объяснила оправдание К. тем, что «судившие его брошюру юристы, вооруженные знанием законов... совершенно не сведущие во взаимоотношениях Ветхого и Нового Заветов, случайно оказались людьми индифферентными и столь же невежественными в данных вопросах, как и сам господин профессор» [Гептнер Е. Библия и нравственность. В защиту Слова Божия (Ответ проф. П.И. Ковалевскому по поводу его брошюры «Библия и нравственность»). СПб., 1913. С. 6].

Являясь защитником самодержавия и православия, К. рассматривал их преимущественно через призму национализма, считая, что они вытекают из нац. свойств рус. народа, представляя самобытную ценность: «Для русских правосл. вера является твердыней и важным признаком их самостоят. нац. бытия... тем не менее вера не может служить вообще важным нац. признаком, ибо мы видели, что мн. нации исповедуют разл. религии, как немцы, армяне и прочие, и это им нисколько не мешает принадлежать к своим нациям» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации. Воспитание молодежи. Александр III — царь-националист. М., 2005. С. 41–42).

К. дал неск. определений понятию нация: «определенная группа людей, объединенная единою терр., единою верой, единым языком, едиными физич. и душевными свойствами, одною культурою и одними судьбами» (Ковалевский П.И. Значение национализма в совр. движении балканских славян. Ростов н/Д, 1913. С. 2); «большая группа людей, объединенных между собою единством происхождения, единством ист. судеб и борьбы за существование, единством физич. и душевных качеств, единством культуры, единством веры, единством языка и терр.» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации... С. 37. Курсив оригинала. — АИ, АР). Т.о., на-

ция (из любви к к-рой и вытекает здоровый национализм) есть порождение общности языка, веры и судьбы. Такая общность, по мнению К., складывается у русских уже к кон. 9 в. И хотя тат. иго ставило под вопрос суверенитет рус. нации, а Смута нач. 17 в. грозила гибелью Рус. гос-ва, рус. нация возродилась в нач. 17 в. и заняла ведущее положение среди самых выдающихся наций мира. К. подчеркивал, что необходимо различать бытие нации и ее становление, видеть ист. обусловленность ее черт. По мнению К., с антропологич. точки зрения нация — это группа людей, часть народонаселения земного шара, объединенных характерными для них особенностями и общностью физич. и духовных свойств, отличающих их от др. наций. С гос. точки зрения национальность представляет собой духовную и культурную общность, вырабатываемую ист. путем, общность культуры, массовых идей, чувств, склонностей, языка как средства общения и своеобраз. нац. богатства.

Под национализмом К. понимал «проявление уважения, любви и преданности, преданности до самопожертвования в настоящем, почтения и преклонения перед прошлым и желания благоденствия, славы, величия, мощи и успеха в будущем той нации, тому народу, к-рому данный человек принадлежит» (Там же. С. 45). Отделяя национализм от патриотизма, К. отмечал, что национализм, скорее психолого-антропологич. понятие, а патриотизм — ист.-географич. и в каждом гос-ве может быть только один патриотизм и неск. национализмов. Национализм существовал всегда, а патриотизм только у наций, имеющих собств. государственность. Т.о., «патриотизм, скорее, физич. элемент любви к отечеству, тогда как национализм — элемент нравств. и духовный» (Ковалевский П.И. Нац. воспитание и образование в России. СПб., 1910. С. 9).

Рус. нац. характеру, по мнению К., присущи доброта, храбрость, мужество, благородство, уважение к старшим, забвение обид и великодушие. Вместе с тем, «русские, как и все славяне, несмотря на свое мужество, воинственность, храбрость и бесстрашие, по природе своей очень сентиментальны. Они всегда в душе своей слишком явно испытывали и проявляли вновь доброту, мягкость, сочувствие, сострадание, милосердие и самопожертвование» (Ковалевский П.И. Символ веры наших потешных. С. 7). Присущая русским доброта, застенчивость и стыдливость, по мнению К., «часто служат им во вред. Имея в своем составе множество инородцев... русские часто... не решаются им возразить даже в тех случаях, когда наносится оскорбление их нации, их Родине, их религии, их положению, их имуществу и т.д.» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации... С. 82).

Мн. правые отмечали отсутствие у идеологов ВНС (в т.ч. у К.) четко оформленной программы нац. возрождения, противоречия в дефинициях, склонность к теоретизированию. Л.А. Тихомиров писал: «Прочно ли это движение к национальному — покажет будущее, а пока можно лишь сказать, что этому будущему чрезвычайно угрожает неопределенность содержания этого движения. В нынешнем национализме чувствуется скорее "слово", чем "понятие"» (Тихомиров Л.А. Руководящие идеи рус. жизни. М., 2008. С. 221).

В качестве идеального правителя России К. называл имп. Александра III. В период величайшей опасности для России «явился император Александр III, и все затихло, все успокоилось. Этот царь всю свою жизнь от-

дал своей родине и своему народу... После Императора Петра I и Екатерины II это был виднейший царь своего народа, царь национальный. При нем возглас "Россия для Русских" громкогласно раздался по всей Руси» (Ковалевский П.И. Рус. национализм и нац. воспитание в России. С. 23). Подобно К.П. Победоносцеву, Тихомирову, П.Ф. Булацелю и др. консерваторам, К. считал, что «Александр III носил в себе воплощение рус. слав. природы, во всей ее чистоте и неспорченности. Он был плоть от плоти слав. народа и кровью от крови слав. нации» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации... С. 216).

К. полагал, что общая нац. идея способна примирить частные соц. противоречия: «Члены нации начинают понимать, что все члены нации — создания одинаковые и имеющие право как на равное существование, так и на равное пользование благами жизни. С этой поры начинается стремление высших, образованных, состоят., мыслящих классов снизойти к своим братьям-труженникам и поднять их из положения рабов в положение равного. Их неравенство начинает проявляться не в породе и принадлежности к тому или другому классу по происхождению, а в культуре, образовании и знаниях. Самые высшие гос. места, самые высшие положения в духовном звании и в науке, и в иск-ве в равной мере могут занять как дети владык, так и дети рабов. И нет с этого времени ни рабов, ни владык, а есть граждане. И от нас самих и наших природных дарований и наших духовных потребностей зависит стать тем или другим... Это нац. целое — составляет собой гос-во, а для нас — Россию» (Там же. С. 136–37). Рев-ция в России, по мнению К., была антinationальна и деструктивна, т.к. она «не рус., а инородч., потому что рев-ция эта не что иное, как бунт инородчества» (цит. по: Коцюбинский Д.А. Ук. соч. С. 142). Следовательно, рев-ция, не имея корней в об-ве, может быть подавлена силами власти.

К. критиковал «засилье» в Прибалт. губерниях т.н. нем. партии: «Эксплуатация населения небольшою группою нем. партии, захватившей власть в свои руки, велась самым бесстыдным образом. Коренное население лишено возможности не только отстаивать свои права, но даже искать себе правды и справедливости, т.к. суды были пародией на суд, совесть народа насиловалась фанатизированными пасторами, а школы открыто онемечивались и воспитывали население в духе коренной враждебности всему русскому, причем, разумеется, рус. язык был изгнан из школы, так и из суда и адм. учреждений» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации... С. 206). К. полагал, что только Александр III смог навести порядок в этом вопросе.

Солдарируя с М.О. Меньшиковым, К. выступал с антисемитских позиций, полагая желательным «самое коренное разрешение вопроса — новый исход евреев, куда им угодно вне России» (Ковалевский П.И. Рус. национализм и нац. воспитание в России. С. 102). В качестве альтернативы он предлагал ассимиляцию евреев в России, «но с неперемным условием перехода в Православие» или же «исход их в Польшу и Финляндию» (Там же. С. 102).

К. — поборник единой и неделимой России, полагал, что она «ни при каких условиях» не может быть уменьшена в объеме, разделена или расчленена на составные части «в виде штатов, автономий, федераций» и проч. Считал, что все нации, входившие в Рос. империю, нужно оценивать по ряду показателей: наличие собств. нац.-

обособленного ареала; степень нац.-культурного развития, отношение к гос-ву и рус. нации. Наиболее важным для К. был последний критерий, поскольку «созидательница Рус. гос-ва — рус. нация, а потому эта нация по всем божеским и человец. правам должна быть господствующей нацией, держащей в гос-ве власть, управление и преобладание, или *державной нацией*» (Там же. С. 70. Курсив оригинала. — *АИ, АР*).

Обращаясь к панславистским идеям, К. прагматично считал, что, оказывая постоянную поддержку «братням-славянам», мы «таким нашим заступничеством» в итоге «добились того, что все эти наши слав. братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков. Как только кто избидит их, так Россия и должна их выручать. Если выручит — так и должно быть. В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию... А Боже храни, если русские не придут на помощь. Тут уже и нет предела издевательствам, брани и помоям по адресу России. И Россия терпит. Это глупо, но верно. Пора это му положить конец» (Там же. С. 87).

После начала 1-й мировой войны 1914–18 в работах К. усилились прослав. мотивы. В 1915 вместе с С.Н. Сыромятниковым и А.М. Михайловым он участвовал в антияпон. сб. «Наши враги». В своем «психологич. очерке» К. крайне негативно характеризовал «нем. варваров», у к-рых война усилила «скотские чувства», провозглашал наступление ист. момента «нац. объединения слав. нации», к-рое будет «гибельно нем. нации» (Ковалевский П.И. Немцы // Наши враги... Пг., 1915. Вып. 1. С. 4, 6). К. полагал, что «объединение славян есть роковое исполнение естеств. ист. закона нац. бытия. В его исполнении проявляются какие-то силы, нам непонятные и нами непостижимые» (Там же. С. 4), а «слав. нация в умств. отношении высокодаровитая нация. Несмотря на то что она была долгое время в рабстве, лишена была всякого образования, прозябала во тьме и невежестве, ее цвет, люди просвещенные и образованные поражали всех своим умом, своим дарованием, своим познанием и необыкновенным быстрым и ясным пониманием... умств. рус. нация только начинает жить» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации... С. 72).

Не отрицая возможности выгодного для России сотрудничества с др. гос-вами, К. подчеркивал, что Россия всегда «была, есть и будет» сама для себя и отношения с др. странами должны быть сугубо прагматичными.

В обл. экономики К. выступал за «полное, планомерное и энергичное содействие поднятию производит. почвы и развитию с.-х. и кустарных промыслов», за содействие гос-ва «орг-ции торговли и сбыта с.-х. продуктов, особенно гос. подрядами» (цит. по: Коцюбинский Д.А. Ук. соч. С. 370, 372). Связывая экономику с нац. вопросом, К. вслед за Д.И. Пихно, Меньшиковым, Т.В. Локтем и др. отстаивал протекционистскую политику. Считал, что «мелкий кредит лицам рус. национальности должен быть возможно расширен и поддержан, что даст возможность поднять экон. положение трудящейся массы и общее благосостояние Империи». По убеждению К., необходима «орг-ция с.-х., пром. и торг. земского мелкого кредита» (Там же. С. 378). К. считал необходимым гос. «изыскание и подготовка к разработке натуральных богатств страны и развитие их разработки и эксплуатации предпринимателями и рабочими рус. национальности» (Там же. С. 356). Полагал, что не только на Западе, но «в последнее время и у нас

в России выдвигается новое вредное начало — капитал. Для банковских деятелей, спекулянтов, кулаков, составителей синдикатов нет ни нации, ни Родины, ни гос-ва. Для них — только капитал. Для капитала нет ни чести, ни гордости, ни блага нации... Прежние помещики, имея рабов, своею кровью защищали Отечество. Нынешние капиталисты не желают жертвовать своею кровью. Они не прочь на боевом поле видеть дворян и крестьян, но не для защиты нации, а для защиты своих капиталов... Господами являются капиталисты, а вся осн. масса превращается в рабов» (Ковалевский П.И. Психология рус. нации... С. 47).

К. одобрил Манифест 17 октября и последовавшие реформы, полагая, что тем самым верховная власть «признала самосознание рус. народа настолько установившимся, что призвала граждан к принятию участия в устройстве и управлении гос-вом» (Там же. С. 125). Считал, что истинным проводником «воли монарха» в деле переустройства России являлся «великий мученик за Родину и славный нац. гений П.А. Столыпин. Это был не только исполнитель нар. национализма, но его создатель и направитель» (Там же. С. 49).

Накануне Рев-ции 1917 К. читал курс суд. психологии на юрид. ф-те Петрогр. ун-та. После окт. 1917 К. оказался в бедственном положении: «Все, что я копил, у меня отобрали... лишили службы, отобрали пенсию, не дали ни гроша. Практики никакой. Лечить пришлось бы или всех, или никого. Умирай с голоду. За границу не пускали», — писал он митрополиту Евлогию (Георгиевскому) (цит. по: Стукалов П.Б. Ук. соч. С. 37). К. был мобилизован в РККА. По окончании Гражд. войны до 1924 работал гл. врачом психиатрич. и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде.

В дек. 1924 К. получил разрешение на выезд за границу и в 1925 покинул СССР, выехав в Бельгию (проживал в г. Спа). Изъявил желание участвовать в проекте орг-ции в Париже Академии для образованных новых пастырей, в к-ром видел «гениальный и весьма полезный» план оздоровления России. В письме к организатору Академии митрополиту Евлогию предложил себя в качестве преподавателя и изложил план орг-ции нового уч. заведения: «В моем лице вы имеете компоненты ученого натурфилософа, но не отрицат, а положит. направления — нац. же мои убеждения оправдывают мою жизнь... Готов двинуться в Париж и быть вашей рукой», однако предложение К. не было реализовано (цит. по: Стукалов П.Б. Ук. соч. С. 37–38). В эмиграции К. выпустил работу «Наука, Христос и его учение» (Брюссель, 1928), в к-рой пытался показать непротиворечивость и связь религ. и науч. знания.

Архивы: ГА РФ. Ф. Р-5919. Оп. 1. Д. 65, 66; ОР РГБ. Ф. 55. Оп. 4. Д. 47; Оп. 6. Д. 46; Ф. 224. Оп. 1. Д. 70; РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 3556; Ф. 167. Оп. 3. Д. 176; Ф. 2. Оп. 1. Д. 394.

Соч.: К учению об эпилепсии. СПб., 1876; Руководство к правильному уходу за душевными больными — для родственников и окружающих. Харьков, 1880; К учению об алкоголизме. СПб., 1888; Аффект. СПб., 1895; Братия Красного креста. Правила ин-та милосердия Красного креста. СПб., 1898; Иоанн Грозный и его душевное состояние. Харьков, 1893 (2 изд. — СПб., 1899); Нервные болезни нашего об-ва. Харьков, 1894; Лечение нервных и душевных болезней. Харьков, 1899; Вырождение и возрождение. Соц.-психологич. очерк. СПб., 1899; Психология преступника по рус. лит-ре о каторге.

СПб., 1900; Наполеон I и его гений. СПб., 1901; Суд психопатология. Психология преступника. СПб., 1901; Нищие духом. СПб., 1902; Вырождение и возрождение. Преступник и борьба с преступностью. СПб., 1903; Отцеубийцы. Соц.-психологич. очерк. СПб., 1903; Имп. Петр III — Имп. Павел I — Навуходоносор, царь Вавилонский — Саул, царь Израилев — Людвиг, король Баварский. СПб., 1903; Преступник и борьба с преступностью (соц.-психологич. эскизы). СПб., 1903; Петр Великий и его гений. СПб., 1904; Душевные болезни. Курс психиатрии для врачей и юристов. В 2 т. СПб., 1905; Библия и нравственность. Пг., 1907 (всего 14 изд.); Мироздание. Естеств.-ист. очерк. СПб.; М., 1907; Борьба с преступностью путем воспитания. СПб., 1908; Иисус Галилеянин. СПб., 1908; Душевные болезни нашего об-ва. СПб., 1911; Завоевание Кавказа Россией: В 2 т. СПб., 1911–14; Символ веры наших потешных. Ростов н/Д., 1911; Александр III. Царь-националист. СПб., 1912; Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. СПб., 1912; Геройские подвиги наших моряков. Нац.-ист. очерк. СПб., 1912; История России с нац. точки зрения. СПб., 1912; Основы рус. национализма. СПб., 1912; Рус. национализм и нац. воспитание России. СПб., 1912 (2 изд. — Нью-Йорк, 1922); История Малороссии. СПб., 1912 (2 изд. — СПб., 1914); Значение национализма в совр. движении балканских славян. Ростов н/Д., 1913; Психология рус. нации. Пг., 1915; Наши враги. Очерки. Пг., 1915; Основы психологии человека. Пг., 1917; Наука, Христос и Его учение. Брюссель, 1928; Психиатрич. эскизы из истории: В 2 т. М., 1995; Психология рус. нации. Воспитание молодежи. Александр III — царь-националист. М., 2005; Рус. национализм и нац. воспитание в России: В 2 ч. СПб., 2006.

Лит.: Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. СПб. Т. 1, 1909; Гептнер Е. Библия и нравственность. В защиту Слова Божия (Ответ проф. П.И. Ковалевскому по поводу его брошюры «Библия и нравственность»). СПб., 1913; Петрух П.Т. П.И. Ковалевский — известный отец психиатр // История Сабуровой дачи: Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии: Сб. науч. работ Укр. НИИ клинич. и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской гор. клинич. психиатрич. больницы № 15 (Сабуровой дачи). Харьков, 1996. Т. 3; Коцюбинский Д.А. Рус. национализм в нач. XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всерос. нац. союза. М., 2001; Санькова С.М. Рус. партия в России. Образование и деятельность Всерос. нац. союза. Орел, 2006; Стукалов П.Б. Проф. П.И. Ковалевский о нации и национализме // Рос. ун-ты в XVIII–XX вв. Воронеж, 2006. Вып. 8; Его же. П.И. Ковалевский и М.О. Меншиков о теоретич. принципах и стратегии решения нац. вопроса в Рос. империи // Страницы истории и историографии отечества. Воронеж, 2007. Вып. 4; Его же. Концепция идеального полит. устройства проф. П.И. Ковалевского // Рос. ун-ты в XVIII–XX вв. Воронеж, 2008. Вып. 9; Иванов А.А. Проф.-националист. К 75-летию со дня кончины П.И. Ковалевского // Рус. самосознание: философ. журнал. 2007. № 13; Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Рос. империи (1901–1914). Киев, 2007; Репников А.В. Консерват. представления о переустройстве России

(кон. XIX — нач. XX в.). М., 2006; Его же. Консерват. концепции переустройства России. М., 2007.

А.А. Иванов, А.В. Репников.

В.В. Комаров.

КОМАРОВ Виссарион Виссарионович (14.10.1838, Вилижский у. Витебской губ. — 22.12.1907, С.-Петербург), публицист, издатель, обществ. деятель. Из дворян. Сын гусарского офицера, ветерана войн 1812–14. К. окончил 2-й кадетский корпус (1857) и Николаевскую академию Генштаба (1861). В 1860-е гг. занимал ряд должностей в Генштабе, штабах Виленского и Моск. воен. округов, был нач. штаба дивизии, служил в канцелярии Воен. мин-ва. В 1871 вышел в отставку по болезни в чине полковника, однако истинной причиной отставки был конфликт с руководством мин-ва. Как публицист К. выступал на страницах «Рус. инвалида», «Воен. сборника», «Голоса» и «Московских ведомостей». В 1871 К. вместе с М.Г. Черняевым и Р.А. Фадеевым основал в С.-Петербурге газету «Рус. мир», в к-рой последовательно выступал против преобразований воен. мин. Д.А. Милютин. С началом восстания в Боснии (лето 1875) К., И.С. Аксаков, Ф.В. Чижов и Черняев активно участвовали в деятельности Моск. Слав. благотворит. к-та, пытаясь собрать деньги для отправки повстанцам.

Весной 1876 К. сопровождал Черняева в его нелегальной поездке на Балканы, был рук. «Корреспондентского бюро» в Делиграде, созданного с целью информирования европ. прессы о ходе воен. действий. В июле 1876 К. стал нач. штаба сербской Тимоко-Моравской армии. По одной из версий, на этом посту К. «был светливым, расценным и неэффективным» (MacKenzie D. The Lion of Tashkent. Athenes, 1974. P. 164). За победу под Шуматовицами, где К. руководил сербскими войсками, Черняев произвел его в генералы сербской армии (11.8.1876). Всего К. принял участие в 23 боях, затем вернулся на Балканы во время рус.-тур. войны 1877–78 в качестве корр. и с целью обеспечить получение ж.-д. концессий в слав. землях для фирмы С.С. Полякова. В 1878 по предложению графа Д.А. Толстого К. взял в аренду и два года издавал газету «С.-Петерб. ведомости». В 1881 К. приобрел собств. типографию и основал ежедневную газету «Свет», ред. к-рой он являлся до конца своих дней. Рассчитанная на массового читателя, эта дешевая газета с первых номеров расходилась тиражом 26 тыс. экз., а в годы рус.-япон. войны 1904–05 ее тираж достиг 100 тыс. экз. В качестве приложений к «Свету» К. выпускал разл. лит. илл. издания. В 1889–91 К. издавал газету «Слав. известия» — орган Петерб. Слав. благотворит. об-ва (К. был чл. об-ва с 1884). В 1892 К. участвовал в орг-ции «Рос. телеграфного агентства» в С.-Петербурге.

В 1901 К. стал одним из учредителей *Русского собрания*. В 1902 вместе с литератором В.Л. Величко взялся издавать журнал «Рус. вестник», намереваясь вернуть ему популярность, к-рой журнал пользовался при М.Н. Кат-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР
В ЭНЦИКЛОПЕДИИ «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Справочное издание

**РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ
СЕРЕДИНЫ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Энциклопедия

Корректоры *Н.Б. Стахеева, Л.П. Константинова*

Художественный редактор *А.К. Сорокин*

Технический редактор *М.М. Ветрова*

Подбор иллюстраций *А.В. Ретников*

Выпускающий редактор *И.В. Киселева*

Обработка иллюстраций *А.А. Морозова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Курянова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.09.2010.
Формат 84×108/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 67,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 7755

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

